

senschaften. Philosophisch-historische Klasse, 1926, S. 69 sqq.; Pfeiffer R. Gottheit und Individuum in der frühgriechischen Lyrik. — "Philologus", 1929, Bd. LXXXIV (N. F., XXXVIII), p. 146 sq.; Jaeger W. Paideia I², p. 197. — О традиционности взглядов Солона см.: Croiset M. La morale et la cité dans les poésies de Solon. — In: Académie des inscriptions et belles-lettres — C. R., 1903, p. 581 s.

⁵ О законодательстве Солона см., напр.: Glotz G. La solidarité de la famille dans le droit criminel en Grèce. Paris, 1904, passim, особенно p. 32 — направленность против старых «солидарностей» является бесспорным доказательством подлинности солоновского закона.

⁶ Непосредственное толкование стихов Эсхила дается здесь в полном согласии с обычной интерпретацией. — См., например: Naegelsbach C. F. De religionibus Orestiam Aeschylus continentibus. Erlangae, 1843, p. 19; Dronke G. Die religiösen und sittlichen Vorstellungen des Aeschylus und Sophokles. — Jahrbücher f. classische Philologie, s. a. Suppl. Bd. IV, H. 1, S. 44 sqq.; Buchholz E. Die sittliche Weltanschauung des Pindars und Aeschylus. Leipzig, 1869, S. 182 sqq.; Aeschylus' Agamemnon. Hrsg. v. Gilbert. Leipzig, 1874, ad loc.; Schmidt L. Die Ethik der alten Griechen. Bd. I. Berlin, 1882, S. 139; Günther G. Grundzüge der tragischen Kunst, aus dem Drama der Griechen entwickelt. Leipzig — Berlin, 1885, S. 116 sqq.; Girard J. Le sentiment religieux en Grèce d'Homère à Eschyle. Paris, 1887, p. 434 sqq.; Шестаков С. («Агамемнон» Эсхила, перевод). — Учен. зап. Казанск. ун-та, 1890, т. LVII, кн. 6, с. 48, 51 сл., 60; Richter P. Zur Dramaturgie des Aeschylus. Leipzig, 1892, S. 156 sq.; Wilamowitz-Moellendorf U. Aeschylus' Interpretationen. Berlin, 1914, S. 196 sq.; Murray G. Aeschylus. Oxford, 1940, p. 215; Aeschylus' Agamemnon. Ed. by L. D. Denniston a. D. Page. Oxford, 1957, ad loc., p. 135; Ярхо В. Н. Эхил. М., 1958, с. 148 сл.; Thomson G. The Oresteia of Aeschylus, vol. II. Prague, 1966, p. 64.

⁷ Так думает П. Рихтер (Richter P. Zur Dramaturgie des Aeschylus, S. 157 sq.).

А. И. ЗАЙЦЕВ

ОКСИРИНХСКИЙ ПАПИРУС 2245 И ТРИЛОГИЯ ЭСХИЛА О ПРОМЕТЕЕ

Как известно, многочисленные трудности, возникающие при интерпретации стоящего особняком не только среди произведений Эсхила, но в известной степени и среди всей аттической трагедии «Прикованного Прометея», породили не только противоречивые толкования общей направленности трагедии, но даже серьезные сомнения в ее принадлежности Эсхилу.¹ Трудности эти обусловлены, в частности, тем, что из двух других трагедий, составлявших вместе с «Прикованным Прометеем» трилогию, только от одной — «Прометея Освобождаемого» — дошли до нас фрагменты и свидетельства,² позволяющие в какой-то мере реконструировать ее содержание; что же касается третьей трагедии трилогии, то состоянием наших источников вызывает к жизни лишь взаимонесключающие догадки.³

В списке произведений Эсхила,⁴ а также в схолиях к «Прикованному Прометее»⁵ и у Авла Геллия⁶ засвидетельствовано

название драмы *Προμηθεὺς Πυρφόρος*, т. е. «Прометей-Огненок», без каких-либо опорных пунктов для суждения о ее содержании и без указания на то, трагедия это или драма сатиров.

Между тем в этом самом списке произведений Эсхила отсутствует достаточно надежно засвидетельствованная фрагментами сатирическая драма *Προμηθεὺς Πυρκαεύς*.⁷ Естественно, возникает предположение о том, что *Πυρφόρος* в наших источниках является искажением *Πυρκαεύς*, так что у Эсхила было не четыре, а только три драмы, в заглавии которых упоминался Прометей: трагедии «Прикованный Прометей» и «Освобождаемый Прометей» и сатирическая драма «Прометей — зажигатель огня».⁸

И действительно, трагедию «Прометей-Огненок» попросту некуда поместить в трилогию. Максимилиан Поленц настаивал на том, что «Огненок» занимал первое место, перед «Прикованным Прометеем».⁹ Между тем при непредубежденном чтении «Прикованного Прометея» сразу бросается в глаза ряд мест, в которых драматург устами действующих лиц явно излагает зрителям предысторию изображаемых событий, притом именно излагает, а не опирается, не намекает на нее, как это имеет место, скажем, в «Хозфорах». Трудно представить себе, чтобы эта предыстория была только что показана зрителям в «Прометее-Огненок».¹⁰

В то же время гипотеза, помещающая «Прометей-Огненок» на третье место, т. е. после «Освобождаемого Прометея», приводит к невозможности сказать об «Огненок» хотя бы одно вразумительное слово: ведь догадки (не подтверждаемые никакими свидетельствами) о том, что предметом трагедии могло быть установление культа Прометея в Аттике¹¹ (который действительно засвидетельствован), вызывают немедленно вопрос, какую роль мог играть в этом сам Прометей и вообще, в чем могла заключаться фабула трагедии.

Таким образом, легко понять Ф. Фоке, который в этой, как кажется, безвыходной ситуации, предположил, что Эсхил написал на этот раз, для представления в Сицилии, не обычную тетралогию из трех трагедий и сатирической драмы, а всего лишь дилогию, состоящую из «Прикованного Прометея» и «Освобождаемого Прометея».¹² Однако удовлетворить подобное *ultimum refugium*, разумеется, не может.

Совсем недавно Х. Ллойд-Джонс, солидаризируясь с идеей Дройзена и Фоке о постановке «Прометея» в Сицилии, высказал новую мысль: третья трагедия, будучи по существу завершением действия первых двух, могла не содержать упоминания Прометея в заглавии.¹³ Сразу же нашлась и подходящая кандидатура — трагедия *Αἴτυα* (или *Αἰτυαῖαι*), — о которой как раз известно, что она была поставлена в Сицилии.¹⁴

Если фрагмент 9а оксиринхского папируса 2256,¹⁵ в котором фигурирует Дика, явившаяся к людям, действительно, принадлежит, как предположил Эдуард Френкель, к трагедии «Этна», эта трагедия могла быть естественным завершением трилогии о Прометее: Зевс не только освобождает благодетеля людей Прометея, но и упорядочивает окончательно человеческое общество, посылая к людям Дику — Справедливость.¹⁶

Однако, как представляется ряду исследователей, серьезным препятствием для любой гипотезы, связанной с устранением трагедии «Прометей-Огненок», является опубликованный в 1952 г. оксиринхский папирус 2245.¹⁷ Перед нами — отрывки рукописного издания Эсхила, фрагменты песни хора, прославляющей Прометея и его дар — огонь. Уже в предварительном сообщении об этих фрагментах Эдуард Френкель отнес их к сатирической драме *Προμηθεὺς Πυρκαεύς*.¹⁸ Такова же точка зрения Э. Лобеля, высказанная им в комментариях к изданию отрывков в XX томе «Оксиринхских папирусов». За Френкелем и Лобелем последовало большинство ученых, касавшихся этих фрагментов.

Однако в тексте есть деталь, вызывающая серьезное затруднение. В самом начале отрывка, опубликованного Лобелем под № 1,¹⁹ греческий текст сохранился в таком виде:

σῖα δὲ μ' εὐμενῆς χορεύει χάρις

φ[α]ε[νν][ο]ν[υ]

χιτῶνα παρ πυρός ἀκράματος αὐγάν.

Итак, в тексте упоминается хитон, и сразу возникает недоуменный вопрос, чей это хитон. Если хор говорит о своих хитонах (единственное число здесь легко может быть условным, как вообще в устах хора греческой драмы), возникает недоумение, какие могут быть хитоны у сатиров — обязательного хора сатирической драмы. Законность недоумения подчеркивает М. Ф. Галиано.²⁰ Если Х. Ллойд-Джонс готов примириться с тем, что в этой драме хор сатиров, вопреки обыкновению, выступал в обычной человеческой одежде,²¹ то объяснения других исследователей самой своей искусственностью показывают, в какое трудное положение ставит нас текст.

Так, Р. Штарк утверждает, что сатиры говорят о хитоне метафорически.²² Бруно Снелль, со своей стороны, полагает, что речь здесь идет о хитонах нимф, которым сатиры предлагают эти хитоны сбросить, и соответственно так восполняет лакуну в тексте:

φ[α]ε[νν][ο]ν[υ] [βάλει]

χιτῶνα.²³

Н. Терцаги, наоборот, считает, что речь идет о хитоне участников хора, и восстанавливает:

φ[α]ενν[ό]ν [στρέφειν]
χιτῶνα

и относит весь отрывок к трагедии *Προμηθεὺς Πορφύρεος*: в трагедии хор может состоять из кого угодно и одет, как правило, в обычные одежды.²⁴ Если это так, трагедия «Прометей-Огнесодец» снова приобретает права на существование со всеми уже упоминавшимися трудностями относительно ее содержания.

По этому же пути пошел и Х. Метте.²⁵ Он также считает хитон одеждой хоревтов, дополняет

φ[α]ενν[ό]ν [δ' ἄγω]
χιτῶνα

и сближает разбираемый нами папирусный фрагмент с давно известным отрывком Эсхила, который цитировал в своих «Гомеровских проблемах» неоплатоник Порфирий.²⁶ Отрывок этот, в самом деле, сходен с исследуемым по содержанию, в нем также встречается *πυρὸς σέλας*, но из слов Порфирия вытекает, что произносятся существа женского пола (о них в асс. plur. говорится *ἑστῶσας*). Опираясь на это, Метте относит рассматриваемые отрывки к трагедии «Прометей-Огнесодец», постулируя для нее женский хор, например Океаниды, как в «Прикованном Прометее».

Между тем папирусные фрагменты гораздо лучше подходят к сатировой драме, чем к трагедии, по их общему тону, так что мы должны попытаться как-то объяснить упоминание хитона хором сатиров.

Идея Штарка о метафорическом употреблении слова хитон не сообразуется с прозрачным и чуждым всяких околичностей языком отрывка. Дополнение Снелля [*βάλει*] совершенно вероятно. В самом деле, в значении «сбрасывать, снимать» (одежду), естественно, употребляется *ἀποβάλλω*, а не *βάλλω*. Императив [*βάλει*] нарушает симметричную синтаксическую структуру начала строфы и антистрофы: и здесь и там нужно ожидать инфинитивную конструкцию, которая в антистрофе зависит от [*ἔ]ϕ[α] [π'(α)*], а в строфе должна зависеть от *χορεύει*.

Лакуна после слова *φαινόβ* явно требует инфинитива, но глагол должен быть таким, чтобы давал возможность понимать хитон не как одежду сатиров, а как-то иначе. Представляется, что этому условию удовлетворяет дополнение *κίσαι* — «поцеловать». В давно известном фрагменте драмы *Προμηθεὺς Πυρραεὺς* сатир обжигает себе рот, попытавшись в восхищении поцеловать принесенный Прометеем огонь.²⁷ Естественно пред-

положить, что сатир мог поцеловать также и в порыве благодарности одежду Прометея.²⁸

Джон Бизли в специальной статье разбирает изображения Прометея в аттической вазовой живописи.²⁹ На аттическом кратере 20-х годов V в. до н. э. изображен Прометей со стволом тростника, в котором он принес на землю огонь. Вокруг него пляшут два сатира. Под изображением Прометея сохранились буквы *ΠΡΟΜ.Θ*. Перед нами явно сцена из сатировой драмы. Так вот, сатиры изображены обнаженными, а Прометей одет в хитон. Есть еще два аналогичных изображения, где Прометей одет в так называемую *ἔξωμίς* — одежду, которую и Поллукс и Гесихий определяют как разновидность хитона.³⁰

Предлагаемое дополнение *κίσαι* удовлетворительно метрически — в антистрофе ему соответствует просодически эквивалентное, надежно восстанавливаемое *βρο|τοῖς*.

Глагол *κυνέω* и, в частности аорист *ἔκυσα*, встречается неоднократно у Гомера. В дошедших до нас произведениях Эсхила и Софокла глагол этот не встречается, но у Еврипида мы находим и презент *κυνεῖ*³¹ и аорист *ἔκυσεν*, причем именно в сатировой драме.³²

Конечно, считать дополнение *κίσαι* вполне надежным не приходится, но оно, по крайней мере, показывает, что лакуна может быть заполнена достаточно правдоподобным образом без того, чтобы мы были вынуждены отказаться от отнесения этого отрывка к сатировой драме Эсхила *Προμηθεὺς Πυρραεὺς*.³³

Примечания

¹ Обзор истории вопроса дает В. Краус: *Real-Encyclopädie, Prometheus*, Hbbd. 45, 1957, Sp. 666—669; некоторые новейшие работы отмечает Г. Г. Анлеткова-Шарова в напечатанной в настоящем сборнике статье «Обзор некоторых новейших зарубежных исследований творчества Эсхила». Очень важной представляется замечка: Musurillo H. *Particles in the "Prometheus Bound"*: — "Classical Philology", 1970, vol. 65, p. 175—177.

² Фрагменты 319—339 Mette.

³ Какой сатировой драмой завершалась тетралогия, мы не знаем, и здесь догадки, очевидно, бесплодны, так как сатирическая драма могла быть очень слабо связана с трагедиями тетралогии. Во всяком случае, не входила в разбираемую тетралогию драма сатиров *Προμηθεὺς Πυρραεὺς* («Прометей — Зажигатель огня»), поставленная вместе с «Персами» и не дошедшими до нас трагедиями «Финей» и «Главк Понтийский» в 472 г. до н. э. (см. фр. 430—457a Mette). Недавняя попытка Феррари полностью пересмотреть вопрос о распределении по тетралогиям утраченных пьес Эсхила (*Ferrari L. I drammi perduti di Eschilo. Palermo, 1968*), в том числе и пьес о Прометее (см. с. 219—220, 247—250, 269—272, 285—286), справедливо отвергнута рецензентами его книги Ллойд-Джонсом (*Lloyd-Jones H. Aeschylean reconstructions. — "Classical Review"*, 1970, vol. 20, p. 294—296) и Высоким (*Listy Filologicke, 1971, t. 94, s. 238—241*).

⁴ См. фр. 340 Mette.

⁵ Ad v. 94 = fr. 341 Mette.

6 Gell. N. A. XIII 19,4 = fr. 351 Mette.

7 Фр. 453—457a Mette.

8 Gercke A. Die Prometheus-Trilogie.—"Zeitschrift für Gymnasialwesen", 1911, Bd. 65, S. 164 ff.; Focke F. Aischylos' Prometheus. — "Hermes", 1930, Bd. 65, S. 259 ff.; Steffen V. Satyrophorum Graecorum fragmenta. Poznan, 1952, p. 136. — Такого же мнения придерживался прежде Mette: Supplementum Aeschyleum. Ed. H. J. Mette. Berlin, 1939, S. 3.

9 Pohlenz M. Die griechische Tragödie. 2 Aufl. Bd. II. Göttingen, 1954, S. 40 f.

10 Соответствующие наблюдения были давно уже сделаны Герке (Gercke A. Die Prometheus-Trilogie, S. 164 ff.).

11 Впервые высказаны Рудольфом Вестфалем (Westphal R. Prolegomena zu Aeschylus' Tragödien. Lpz., 1869, S. 224) и поддержаны Вилламовицем (Wilamowitz-Moellendorf U. v. Aischylos — Interpretationen. Berlin, 1914, S. 122 ff., 142—147). См. также: Grossmann G. Prometheus und Orestie. Heidelberg, 1970, S. 99 f., 291 f.

12 Focke F. Aischylos' Prometheus, S. 263—270.

13 Lloyd-Jones H. The justice of Zeus. Berkeley — Los Angeles, 1971, 98 ff.

14 Γένος Αἰσχύλου 9 = fr. 25 Mette.

15 Fr. 530 Mette.

16 Fränkel Ed. Vermutungen zum Aetna — Festspiel des Aeschylus. — "Eranos", 1954, Bd. 52, S. 61 f. Ср.: Plat. Prot. 321D—322D. — Вальтер Нестле возводил этот платоновский миф к «Освобождаемому Прометею»: Nestle W. Menschliche Existenz und politische Erziehung in der Tragödie des Aischylos. Stuttgart — Berlin, 1934, S. 27 ff.

17 The Oxyrhynchus papyri. Pt. XX. London, 1952.

18 Aeschylus. Old texts and new problems. — Proceedings of British Academy, 1942, vol. 28, p. 245 ff.

19 Ср.: Ярхо В. Эсхил. М., 1958, с. 223 сл.

20 Galiano M. F. Les papyrus d'Eschyle. — Proceedings of the IXth International Congress of Papyrology. Oslo, 1961, p. 81—133; см. p. 112.

21 Aeschylus. With an English translation by H. W. Smyth. Vol. II. London—Cambridge, 1957, Appendix, p. 562—566.

22 Stark R. Osservazioni su due drammi di Eschilo perduti. — "Maia", 1956, t. 8, p. 83—91; см. p. 89—91.

23 Snell B. [Rec.] The Oxyrhynchus papyri. Pt. XX. (London, 1952). — "Gnomon", 1953, t. 25, S. 435 f.

24 Terzaghi N. Il Prometeo di Oxyrhynchus. — Rivista di filologia e d'istruzione classica, 1954, t. 32, p. 337—352.

25 Mette H. J. 1) Die Fragmente der Tragödien des Aischylos. Berlin, 1959, S. 120 ff.; 2) Der verlorene Aischylos. Berlin, 1963, S. 27 ff.

26 Porphyg., Quaest. Homer., I, 191, 16=193, 26=II, 7, 31 Schrader.

27 Fr. 455 Mette. Ср.: fr. 456 Mette.

28 Никак нельзя согласиться с мнением Розы Унтербергер, будто упоминание Прометея в 3-м лице говорит об его отсутствии на сцене (Unterberger R. Der Gefesselte Prometheus. Stuttgart, 1968, S. 135). В одном только «Прикованном Прометее» говорят в 3-м лице о персонаже, присутствующем на сцене, в ст. 695, 737, 825, 1036, 1056 sq.

29 Beauley J. D. Prometheus fire-lighter. — American Journal of Archaeology, 1939, vol. 43, p. 618—639. — Ср. дополнительный материал в справочниках: Webster T. B. L. Monuments illustrating tragedy and satyrplay. Ed. 2nd. London, 1967, p. 144—145; Brommer Fr. Vasenlisten zur griechischen Heldensage. Aufl. 3. Marburg, 1973, S. 545—546.

30 Poll. 7, 47; Hesych. s. v. ἔξωμῖς.

31 Eur. Alc. 183.

32 Eur. Cycl. 553. В Cycl. 172 текст ненадежен.

33 Еще одно дополнение напрашивается в строке 14 того же отрывка: χ[αλ]ᾶν, зависящее от ἐλπῖς и управляющее словами ὦ | [ρ]ῖου χε[ί]ματ[ος].